

Прямо смотреть в глаза своим страхам — как же это трудно. А уж победить их — и подавно.

В голове у Линь И промелькнула тень, и безмятежное настроение тут же померкло.

Даже у него... есть свои внутренние демоны.

— Поищем-ка еще, кому бы отправить подарки, — голос Линь И оставался мягким и непринужденным, однако Ци-Ци уловила в нем нотки недовольства и предпочла умолкнуть.

Хотя иногда ее сообразительность оставляла желать лучшего, перемены в настроении Хозяина она чувствовала очень остро.

В отдалении, за дворцовыми стенами, возвышалось величественное здание.

Лучи солнца, заливавшие крышу, отражались от нее ослепительным блеском. У главных ворот замерли две каменные фигуры львов, выглядевшие пугающе живыми. Их суровый вид заставлял прохожих невольно съеживаться и стараться ступать тише. А надпись на огромной табличке над входом — Восточный дворец — не оставляла сомнений в том, кто здесь хозяин.

В этот момент Линь Хэн находился в тайной комнате глубоко под дворцом. Глаза его были слегка прикрыты, казалось, он спал.

Спустя мгновение Линь Хэн открыл глаза.

На лице, которое, казалось, не дрогнуло бы даже при обрушении горы Тайшань, промелькнуло редкое выражение смутения. Тот, кто не должен был знать чувств, обрел то, от чего не в силах отказаться... Как тут не изумиться?

— Любовь рождает заботы, любовь рождает страх. Юаньчу, когда ты явишься в истинном облики, что станет с этим чувством...

Глубокий вздох эхом разнесся по сумрачному подземелью и вскоре затих.

Линь Сяо сейчас, полный воодушевления, восседал на коне, наслаждаясь взглядами горожан, и в глубине его глаз затаилось нескрываемое торжество.

Хотя отец-император урезал военную власть генерала Гу ровно наполовину, что вызвало у Линь Сяо немалую досаду, он все же добился своего: ему разрешили взять Яоэр в жены в качестве законной супруги. Что же касается того убийцы, что покушался на Линь И... Линь Сяо после случившегося виделся с матерью, и она была совершенно не в курсе того, что евнух Нин пытался устранить Линь И.

Тот, кто мог отдавать приказы евнуху Нину, кроме императрицы, был лишь один — его дед по матери, Чэнь Хуа. Он верил, что мать не станет ему лгать, а значит, столь недалекovidный шаг мог предпринять только его дед, вечно полагающийся на свою хитрость.

Разумеется, в этом покушении определенно были замешаны либо Линь И, либо Линь Хэн. Линь Сяо не мог не подозревать, что в клане Чэнь завелись сторонники наследного принца. Ранее он неоднократно пытался разведать обстановку в резиденции Сяояо-вана, но каждый раз возвращался ни с чем, не успев даже перебраться через стену. И вдруг — такая удача: евнух, чьи боевые навыки были весьма посредственны, сумел пробраться внутрь, и пусть он не прикончил Линь И, сам факт проникновения в резиденцию был крайне подозрителен.

К счастью, император не стал слишком сурово наказывать императрицу, лишь ограничив ее передвижения дворцом Фэнсян на полгода за плохой контроль над слугами, так что власть в гареме осталась в ее руках. Что же до деда и всего этого злополучного клана Чэнь, Линь Сяо испытывал лишь досаду на родственников, вечно тянувших его на дно, и решил занять выжидательную позицию.

В итоге, если не считать Чэнь Хуа, продолжавшего готовиться к экзаменам, и еще нескольких чиновников на ключевых постах, всех остальных представителей клана либо лишили должностей, либо отправили в ссылку. Массовая чистка клана Чэнь при дворе нанесла ему сокрушительный удар.

А в письме, которое дед прислал ему, не было ни раскаяния, ни извинений — сплошные завуалированные упреки в том, что внук не заступился за родных, мол, если бы он вымолвил хоть слово, клан Чэнь не оказался бы в таком плачевном положении. В то же время дед клялся в своей невинности, отрицая причастность к покушению.

Прочитав письмо, Линь Сяо лишь усмехнулся. Его не слишком умный дед окончательно ослеп от тщеславия и так и не понял, за кого ему следовало держаться.

Подобное случалось и раньше: за всеми проделками стоял дед, а разгребать последствия каждый раз приходилось ему, Линь Сяо!

В отличие от отца, во что бы то ни стало решившего приписать вину Чэнь Хуа, сам Линь Сяо не верил ни единому слову деда.

Глядя на слуг, разбрасывающих праздничные монеты, Линь Сяо вспомнил унижение, пережитое в императорском кабинете, и улыбка на его лице померкла. С того самого дня он ясно осознал свое место в сердце отца: ему не дозволено даже помышлять о посягательстве на императорскую власть, иначе, будь он хоть родным сыном, его ждет кара.

Оказалось, он вовсе не особенный, и его положение ничем не отличается от положения Линь Хэна или Линь И — он лишь обладатель милости, которую можно в любой момент лишиться.

Поэтому лишь взойдя на трон, он обретет власть над своей судьбой и сможет поступать так, как пожелает.

Погруженный в раздумья, Линь Сяо подъехал к воротам поместья генерала, защищающего государство.

— Ваше Высочество, мы прибыли, — доложил начальник охраны. Заметив, как Линь Сяо замер, уставившись на ворота, он решил, что тот просто одурел от счастья.

Вернувшись к реальности, Линь Сяо спешил. Что бы ни ждало его в будущем, сегодня он женится на Гу Суяо, и этого достаточно.

Когда он заручится поддержкой генерала Гу, великие дела станут ему по плечу.

Линь Сун стоял с прямой спиной перед дверью покоев своей сестры. Увидев приближающегося статного красавца в окружении толпы слуг, он нахмурился.

Гу Сун был готов разбить лицо этому кабану, что увел его сестренку. Но, увы, она сама была в него влюблена, да и статус у этого кабана был слишком высок, так что ему оставалось лишь стиснуть зубы и смириться.

— Ваше Высочество пожаловали рано, — произнес Гу Сун ровным тоном.

— Не вини меня, брат. Я так сильно скучал по Яоэр, что не смог усидеть на месте, — Линь Сяо отвечал подчеркнуто смиренно и мягко.

Гу Сун опешил. Он не ожидал, что принц станет называть его братом. Пусть формально он приходился ему старшим братом, но при императорском дворе отношения правителя и подданного всегда стояли на первом месте.

— Ваше Высочество, вы слишком добры. Как я могу называть себя вашим братом?

Линь Сяо искренне улыбнулся:

— Я всей душой желаю взять Яоэр в жены, а значит, уважаю всех, кто ей дорог. Так что прошу, брат, не отказывайся от этого обращения.

Помимо прочего, семья генерала была мощным козырем в его руках. Ему было выгодно расположить их к себе.

Гу Сун понял намек, но, к сожалению, раз уж Линь Сяо прикрылся именем его сестры, а их род и так уже утратил доверие императора, им ничего не оставалось, как связать свою судьбу с этим человеком...

Гу Сун натянул на лицо вымученную улыбку и больше не стал спорить.

— Тогда поспешите к Яоэр, Ваше Высочество, не стоит нарушать счастливый час. И еще кое-что, как старший брат, я должен сказать: моя сестра росла в любви и не знает горя... Надеюсь, вы будете беречь ее.

Услышав, как его называли, Линь Сяо улыбнулся еще искреннее: этот старший брат оказался понятливым.

— Разумеется. Яоэр для меня дороже жизни. Если она захочет луну с неба, я достану ее для нее.

Сказав это, Линь Сяо взял у слуги длинный ларец из сандалового дерева и протянул его Гу Суну:

— Примите этот скромный дар, надеюсь, вы не откажетесь.

Закончив, Линь Сяо, не дожидаясь ответа, нетерпеливо зашагал к покоям Гу Суяо.

Глядя ему вслед, Гу Сун тяжело вздохнул.

Дело сделано. Главное — счастье сестры. А обо всем остальном позаботятся он и отец, лишь бы младшая сестренка всегда была весела.